

Спенсер Герберт

Справедливость

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт С.**
Справедливость / Спенсер Герберт – М.: Книга по Требованию, 2022. –
243 с.

ISBN 978-5-519-75085-1

ISBN 978-5-519-75085-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Нравственность у животныхъ.

1. Не читавшіе моего прежняго сочиненія будутъ удивлены этимъ заглавіемъ. Но кто читаль (въ „Данныхъ науки о нравственности“) главы о „поведеніи вообще“ и о развитіи поведенія“ тотъ знаетъ, что дѣйствительно существуетъ нѣчто, заслуживающее названія нравственности у животныхъ.

Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь въ наукѣ о нравственности, находится въ неразрывной связи съ поведеніемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Наилучшее поведеніе есть то, которое приводитъ къ наибольшей продолжительности, широтѣ и полнотѣ жизни. Стало быть, существуетъ нѣкоторое поведеніе, свойственное каждому виду животныхъ, которое слѣдуетъ считать относительно хорошимъ, а именно то, которое относится къ животному такъ, какъ нравственно одобряемое нами поведеніе — къ человѣческому роду.

Большая часть людей считаетъ предметомъ науки о нравственности лишь такое поведеніе, которое вызываетъ одобреніе или порицаніе. Но первичный предметъ этой науки есть поведеніе, рассматриваемое по существу дѣла, т. е. какъ дающее хорошія и дурныя послѣдствія самому дѣйствующему лицу или другимъ, или и ему и другимъ.

Даже люди, полагающіе, что наука о нравственности касается исключительно поведенія, заслуживающаго одобренія или порицанія, безмолвно признаютъ, что и въ животнымъ приложимо понятіе нравственности, потому что извѣстныя дѣйствія животныхъ возбуждаютъ въ нихъ порою сочувствіе, порою негодованіе. Птица — самецъ, кормящій свою подругу въ то время, когда она высидываетъ яйца, возбуждаетъ чувство одобренія. Курица, отказывающаяся сидѣть на яйцахъ, вну-

паеть отвращеніе, тогда какъ насѣдка, вступающая въ битву за своихъ цыплятъ, возбуждаетъ почтеніе.

Себялюбивые поступки, точно также, какъ и поступки, внушенные любовью къ другимъ, если они совершаются животными, должны считаться хорошими или дурными. Бѣлка, собирающая запасъ пищи на зиму, поступаетъ такъ, какъ, по нашему мнѣнію, должна поступать каждая бѣлка. Обратнo, та, которая по лѣности не дѣлаетъ запаса и гибнетъ отъ голода, разсматривается какъ несущая достойное наказаніе за свою безпечность. Собака, отдающая кость другой собакѣ безъ драки и боязливо убѣгающая прочь, называется трусливою—слово, выражающее порицаніе.

Итакъ, ясно, что поступки, приводящіе къ сохраненію потомства или особи, разсматриваются какъ хорошіе по отношенію къ животному виду,—обратные поступки считаются дурными.

2. Два рода поступковъ—альтруистическіе или внушенные любовью къ другимъ и эгоистическіе или себялюбивые—указываютъ намъ на два главныхъ и противоположныхъ между собою начала нравственности у животныхъ.

Въ незрѣломъ возрастѣ благодѣянія, получаемыя животнымъ, должны быть обратно пропорціональны способностямъ, которыми оно обладаетъ. Внутри семьи наиболѣе долженъ получать тотъ, кто наименѣе заслуживаетъ, если заслугу измѣрять цѣнностью заработка. Обратнo, по достиженіи зрѣлости, достигаемая выгода должна быть прямо пропорціональна цѣнности, если цѣнность измѣрется приспособленностью къ условіямъ существованія. Дурно приспособленные должны страдать отъ своей негодности, а хорошо приспособленные получать выгоду отъ своей годности.

Таковы два закона, съ которыми долженъ сообразоваться всякій видъ животнаго, чтобы сохраниться. Ограничимъ это предложеніе высшими животными, такъ какъ у низшихъ родители не оказываютъ потомству никакой помощи, кромѣ той, что вносятъ малые запасы пищи въ ихъ зародыши, при чемъ чудовищная смертность уравнивается чудовищною плодovitостью. Говоря лишь о высшихъ животныхъ, можно сказать, что очевидно, если бы у дѣтенышей выгода была сообразна съ ихъ способностями, видъ тотчасъ долженъ былъ бы погибнуть, и если бы у взрослыхъ выгода была пропорціональна ихъ негодности, то видъ неминуемо погибъ бы въ

теченіе немногихъ поколѣній (Сравн. „Основанія соціологій“, 322).

3. Но какова нравственная сторона этихъ началъ? Прележде всего, жизнь всѣхъ, исключая самыхъ низшихъ животныхъ, сохранилась благодаря этимъ началамъ. За исключеніемъ простѣйшихъ одноклѣтныхъ животныхъ (Protozoa), гдѣ слѣдствія этихъ законовъ едва замѣтны, мы видимъ, что безъ даровыхъ выгодъ въ пользу дѣтенышей и заслуженныхъ выгодъ въ пользу взрослыхъ жизнь не могла бы продолжаться.

Далѣе, тѣ же законы привели къ постепенному развитію жизни отъ низшей ступени къ высшей. Забота о потомствѣ, ставшая болѣе значительною по мѣрѣ усложненія организаціи, и выживание наиболѣе приспособленныхъ къ этой борьбѣ между взрослыми, которая стала болѣе обычною по мѣрѣ усложненія организаціи, — постоянно упрочивали превосходство однихъ надъ другими и приводили къ новымъ успѣхамъ.

Съ другой стороны, справедливо, что самопожертвованіе при заботѣ о дѣтенышахъ и борьба за существованіе между взрослыми производили гибель и голодную смерть, столь частую на раннихъ ступеняхъ развитія. Справедливо и то, что дѣйствія, сообразныя съ этими законами, привели къ появленію мучительныхъ паразитовъ, которые по числу видовъ и особей превышаютъ всѣхъ остальныхъ животныхъ.

Люди, привыкшіе относиться пессимистически къ животной жизни вообще, вникая въ эти законы, конечно увидятъ все въ дурномъ свѣтѣ. Но оптимисты и даже *меліористы* (т. е. люди полагающіе, что все на свѣтѣ постоянно улучшается), и тѣ, которые признаютъ, что мѣриломъ счастья является умноженіе числа удовольствій и благъ жизни, вникая въ эти начала, будутъ болѣе или менѣе удовлетворены и признаютъ, что выполненіе ихъ заслуживаетъ нравственнаго одобренія.

Кто желаетъ разсматривать эти начала съ точки зрѣнія господствующихъ религіозныхъ убѣжденій, тотъ увидитъ въ нихъ выраженіе божественной воли. Тотъ, кто убѣжденъ въ непознаваемости высшей силы, скажетъ только, что эти начала выражаютъ способъ дѣйствія этой непознаваемой силы во вселенной. Въ обоихъ случаяхъ мы приобретаемъ еще новый доводъ въ пользу этихъ началъ.

4) Но, оставляя въ сторонѣ рѣшительный споръ между пессимистами и оптимистами, достаточно на первый случай ограничиться нашимъ положеніемъ и примѣнить его лишь

къ какому-либо одному виду. Если сохраненіе и благополучіе этого вида желательно, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ одно общее слѣдствіе, а изъ него три менѣе общихъ.

Общій выводъ будетъ тотъ, что, по своей обязательности, сохраненіе вида стоитъ выше сохраненія особи. Справедливо, что видъ существуетъ только какъ совокупность особей; справедливо и то, что поэтому благополучіе вида является цѣлью лишь въ смыслѣ сохраненія благополучія особей. Но исчезновеніе вида подразумеваетъ исчезновеніе особей, влечетъ за собою полную неудачу въ достиженіи всѣхъ цѣлей; тогда какъ исчезновеніе отдѣльных особей, даже въ большемъ числѣ, можетъ все-таки дать остатки, довольно многочисленный для продолженія существованія вида, причемъ послѣдующее выполненіе цѣли окажется возможнымъ. Итакъ, сохраненіе особей, въ большей или меньшей степени, смотря по условіямъ, должно все-таки быть подчинено сохраненію вида, въ томъ случаѣ, если между тѣмъ и другимъ оказывается столкновеніе.

Отсюда вытекаютъ такіа слѣдствія:

Во-первыхъ, среди взрослыхъ должна господствовать сообразность съ закономъ, что получаемая выгода должна прямо соразмѣряться съ заслугами, причемъ заслуги измѣряются способностью къ поддержкѣ собственнаго существованія. Не будь этого, видъ долженъ былъ бы пострадать отъ двухъ причинъ. Онъ пострадалъ бы прямо, вслѣдствіе пожертвованія лучшими ради худшихъ, что влечетъ за собою общее уменьшеніе благополучія; онъ пострадалъ бы и косвенно, отъ дальнѣйшаго размноженія худшихъ, которое препятствуетъ размноженію лучшихъ, влечетъ за собою общее пониженіе уровня и, при достаточной продолжительности, влечетъ къ вымиранию вида.

Во-вторыхъ, въ теченіе раннихъ періодовъ жизни, прежде чѣмъ животное въ состояніи поддержать самого себя и также въ то время, когда оно лишь частью способно къ самоподдержанію, помощь оказываемая животному должна быть наибольшею, пока его собственная цѣнность наименьшая—получаемыя выгоды должны быть обратно пропорціональны заслугамъ, причемъ заслуги измѣряются способностью самоподдержанія. Если нѣтъ даровыхъ подачекъ потомству, сначала неопредѣленныхъ, затѣмъ опредѣленно уменьшающихся по мѣрѣ приближенія зрѣлости, то видъ исчезаетъ вслѣд-

ствіе гибели дѣтенышей. Конечно, отсюда вытекаетъ сообразная съ этимъ способность взрослыхъ къ самоотверженію.

Въ - третьихъ, къ этому самоотверженію, вытекающему изъ родительскихъ отношеній, въ извѣстныхъ случаяхъ, присоединяется дальнѣйшее самообузданіе. Если въ силу организаціи вида, и по причинѣ условій его существованія, пожертвованіе—частное или полное—нѣкоторыми изъ особей сохраняется благополучіе вида, и если его численность поддерживается этимъ способомъ лучше, чѣмъ иначе то ясно, что и такіа жертвы должны быть оправдываемы.

Таковы законы, съ которыми сообразуется видъ для поддержанія своего существованія. И если мы предположимъ, что сохраненіе какого-либо вида желательно, то отсюда вытекаетъ обязательство сообразоваться съ этими законами, которые слѣдуетъ назвать, смотря по обстоятельствамъ, подобными нравственнымъ или въ полномъ смыслѣ слова нравственными.

ГЛАВА II.

До-человѣческая справедливость.

5. Изъ двухъ существенныхъ, но противоположныхъ началъ дѣятельности, которыя сохраняютъ каждый видъ, мы здѣсь рассмотримъ лишь второе. Оставивъ въ сторонѣ законъ семьи, составленной изъ взрослыхъ и дѣтенышей, мы теперь рассмотримъ исключительно законъ вида, какъ составленнаго только изъ взрослыхъ. Этотъ законъ, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что особи, наиболѣе цѣпныя,—что измѣряется ихъ приспособленностью къ условіямъ существованія,—должны обладать наибольшими выгодами, и что низшія особи должны получать меньшія выгоды или терпѣть большія бѣдствія, или и то, и другое—законъ, который съ точки зрѣнія науки о жизни, біологіи, влечетъ за собою переживаніе приспособленнѣйшихъ. Истолковывая его въ нравственномъ смыслѣ, получимъ законъ, что каждая особь должна подвергаться слѣдствіямъ ея собственной природы и вытекающаго изъ этой природы поведенія. Во всей до-человѣческой жизни законъ этотъ справедливъ безусловно, потому что тамъ нѣтъ причины, которая, между взрослыми, могла бы вмѣшиваться въ отношеніе между поведеніемъ и его послѣдствіемъ.

Чтобы вполне оцѣнить силу этого закона, мы съ удобствомъ можемъ на минуту остановиться на созерцаніи подобнаго ему закона или, точнѣе, того же самаго закона, проявляющагося въ другой сферѣ. Помимо проявленія его въ отношеніяхъ между членами одного и того же вида, изъ которыхъ одни хорошо, другіе дурно поддерживаютъ себя, смотря по ихъ хорошо или дурно приспособленнымъ дѣятельностямъ, законъ этотъ проявляется и въ отношеніяхъ между частями одного и того же организма между собою.

Каждый мускулъ, каждая внутренность, каждая железа получаетъ количество крови, сообразное съ своимъ отправленіемъ. Если они мало работаютъ, то и мало питаются и вырождаются; если работаютъ много, то питаются хорошо и растутъ. Такое уравновѣшеніе работы и питанія въ то же время уравновѣшиваетъ и относительныя силы частей организма; такъ что организмъ, какъ цѣлое, приспособленъ къ своему существованію тѣмъ, что его части постоянно пропорціональны требованіямъ. И ясно, что этотъ законъ, самоприспособленія внутри каждой особи сходенъ съ началомъ самоприспособленія, посредствомъ котораго видъ, какъ цѣлое, оказывается приспособленнымъ къ своей средѣ; потому что посредствомъ лучшаго питанія и большей способности размноженія, свойственной членамъ вида, болѣе способнымъ и обладающимъ дѣятельностями, лучше приуроченными къ нуждамъ, въ соединеніи съ худшей поддержкой себя и потомства у менѣе способныхъ, достигается выживание болѣе способнаго вида путемъ большаго размноженія.

Итакъ, законъ до-человѣческой справедливости тотъ, что каждая особь должна получать выгоды и невыгоды отъ своей собственной природы и отъ своего отсюда вытекающаго поведенія. (

6. Но до-человѣческая справедливость крайне несовершенна, какъ вообще, такъ и въ частности.

Въ общемъ, она несовершенна въ томъ смыслѣ, что существуютъ многочисленныя виды, которые могутъ поддержать себя лишь въ зависимости отъ полнаго уничтоженія другихъ видовъ; и это полное уничтоженіе ведетъ къ тому, что видъ, служащій добычей, встрѣчаетъ такія частыя нарушенія закона зависимости между поведеніемъ и его послѣдствіями, что лишь для весьма немногихъ особей законъ этотъ долго имѣетъ значеніе. Справедливо, что въ такихъ случаяхъ преждевременная гибель отъ враговъ, испытываемая почти

всѣми членами вида, должна также считаться слѣдствіемъ ихъ природы, ихъ неспособности бороться съ разрушительными вліяніями, которымъ они подвергаются. Но мы можемъ вполне признать истину, что эта насильственная гибель огромнаго большинства жизней ведетъ къ тому, что для такого вида животныхъ понятіе справедливости, нами опредѣленное выше, имѣетъ лишь самую ничтожную примѣнимость. До-человѣческая справедливость крайне несовершенна также и въ частностяхъ, въ томъ смыслѣ, что связь между поведеніемъ и его послѣдствіями въ чудовищномъ числѣ случаевъ нарушается случайностями,—такими случайностями, которыя совершенно безразлично поражаютъ и низшихъ и высшихъ особей. Множество смертей причиняется суровостью стихій, которой, въ большинствѣ случаевъ, лучшіе члены вида подвергаются наравнѣ съ худшими. Множество смертей зависитъ отъ скудости пищи, причеъ если не вполне, то въ широкой степени хорошіе мрутъ наравнѣ съ дурными. У низшихъ животныхъ причиною смерти являются также враги, дѣйствующіе такъ, что лучшіе становятся жертвой подобно худшимъ. То же касается нападенія паразитовъ, часто страшно губительныхъ и нерѣдко губящихъ лучшихъ особей такъ же легко, какъ и худшихъ.

Высокая плодовитость низшихъ животныхъ, необходимая для уравновѣшенія чудовищной смертности, сразу указываетъ намъ, что у нихъ долгое переживаніе не обеспечивается превосходными качествами; и такимъ образомъ, до-человѣческая справедливость, состоящая въ постоянномъ воспріятіи слѣдствій поведенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается состоятельною для особи.

7. Здѣсь мы приходимъ къ чрезвычайно важной истинѣ, что до-человѣческая справедливость становится все болѣе рѣшительной по мѣрѣ повышения организаціи.

Сѣсть ли ласточка ту или эту муху, сидеть ли паѣздникъ (Ichneumon) на ту или другую гусеницу, проглотить ли вить тѣхъ или другихъ селедокъ изъ числа ватаги,—все это событія совершенно независимыя отъ свойствъ особей: хорошія и дурныя особи гибнутъ наравнѣ. Иное дѣло—высшія животныя. Острыя чувства, проникаемость, подвижность придаютъ этому хищному особую способность овладѣвать добычей. Въ стадѣ травоядныхъ, животное съ болѣе острымъ слухомъ, яснымъ зрѣніемъ, болѣе чувствительнымъ обонаніемъ и болѣе значительною скоростью бѣга гораздо легче

спасется отъ преслѣдователя. Очевидно, что чѣмъ выше дарованія, душевныя и тѣлесныя, даннаго вида, и, слѣдовательно, чѣмъ больше его способность справляться съ случайностями окружающей среды, тѣмъ менѣе зависитъ продолженіе жизни каждой особи отъ случайностей, съ которыми она не можетъ справиться. И очевидно, что, по мѣрѣ того, какъ это слѣдствіе общаго превосходства становится замѣтнѣе, слѣдствія частныхъ превосходствъ также сильнѣе чувствуются. Различія между способностями особей играютъ болѣе важную роль въ опредѣленіи судьбы особей. Въ одномъ случаѣ отсутствіе способности сокращаетъ жизнь, въ другомъ—значительное дарованіе продолжаетъ ее. Другими словами, опытъ особи болѣе точно слѣдуетъ изъ ея собственной природы, справедливость соблюдается въ большей степени.

8. До-человѣческая справедливость, насколько она выражается у существъ, живущихъ одиночною жизнью, опредѣлена такимъ образомъ удовлетворительно. Но переходя къ стаднымъ животнымъ, мы находимъ, что еще одинъ пунктъ не выясненъ.

Простое сообщество, какъ, напр., у оленей, приноситъ особи и виду пользу единственно путемъ болѣе дѣйствительной охраны, которая вытекаетъ изъ превосходства множества глазъ, ушей и носовъ надъ глазами, ушами и носомъ одной особи. Тревожный сигналъ скорѣе подается, и всѣ пользуются чувствами наиболѣе одаренныхъ особей. Когда это сотрудничество, которое можно назвать пассивнымъ, недѣйственнымъ, превращается въ активное, дѣйтельное, какъ напр., въ стаѣ грачей, гдѣ одна сторожитъ, пока другія ѣдятъ, или у такъ наз. симабронновъ (simabrons), горныхъ барановъ Центральной Америки, которые также ставятъ сторожей, или у бобровъ, работающихъ сообща при сооруженіи плотины, или у волковъ, которые составляютъ планъ нападенія, распредѣляя роли,—что содѣйствуетъ понимѣ добычи,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ и для особей, и для вида являются еще большія выгоды. Говоря вообще, можно сказать, что стадность и сотрудничество, болѣе или менѣе дѣйтельное, устанавливаются для вида только потому, что они полезны: иначе переживаніе болѣе приспособленныхъ предудило бы эти явленія.

Но теперь замѣйте, что это выгодное сожителство становится возможнымъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Дѣйствія, направленныя къ самоподдержанію и исполняемыя каж-

дымъ, исполняются болѣе или менѣе въ присутствіи другихъ, занимающихся тѣмъ же; слѣдствіемъ является стремленіе къ большому или меньшему ослабленію ихъ съ чужой стороны. Если ослабленіе велико, то сообщество можетъ оказаться невыгоднымъ. Чтобы оно было выгодно, дѣятельности должны сократиться лишь настолько, чтобы дать выгодный балансъ. Переживаніе приспособленнѣйшихъ, въ противномъ случаѣ, уничтожить ту разновидность, въ которой возникаютъ сообщества. Здѣсь мы находимъ новое начало въ до-человѣческой справедливости. Каждая особь, получая выгоды и бѣдствія отъ своей собственной природы и вытекающаго поведенія, должна выполнить это поведеніе въ ограничительныхъ условіяхъ, а именно не должна значительно помѣшать поведенію, посредствомъ котораго другія особи достигаютъ выгодъ или навлекаютъ на себя бѣды. Среднее поведеніе должно быть не такимъ наступательнымъ, чтобы причинять зло, перевѣшивающее добро, вытекающее изъ сотрудничества. Итакъ, къ положительному началу въ до-человѣческой справедливости надо, для стадныхъ животныхъ, добавить отрицательное начало.

9. Необходимость соблюденія того условія, чтобы каждый членъ группы, поддерживая себя и потомство, не мѣшалъ серьезно подобнымъ же дѣйствіямъ другихъ, чувствуется въ такой степени вездѣ, гдѣ установилось сожителство, что приравнивается къ себѣ самый видъ. Бѣдствія, испытываемыя отъ времени до времени, когда нарушены границы, постоянно содѣйствуютъ всеобщей выправкѣ тѣмъ, что заставляютъ уважать эти границы; и это уваженіе, со временемъ, становится естественной чертою, инстинктомъ вида, потому что ясно, что невниманіе къ этимъ границамъ, если оно значительно и обще, приводитъ къ распаденію группы. Тѣ только разновидности могутъ выжить какъ стадныя, въ которыхъ явилось наслѣдственное стремленіе поддерживать эти условія.

Но далѣе возникаетъ такое общее сознаніе необходимо-сти поддерживать эти границы, что нарушающіе ихъ подвергаются наказанію не только со стороны обиженныхъ членовъ общины, но и со стороны общины, какъ цѣлаго. „Бродяга“ слонъ (всегда описываемый какъ особенно злой) это слонъ, изгнанный своими изъ стада: безъ сомнѣнія потому, что его поведеніе песносно для другихъ, вѣроятно, по причинѣ обидъ, имъ нанесенныхъ. Говорятъ, что бобры изгоняютъ лѣнтяя изъ своей колоніи и этимъ препятствуютъ ему

пользоваться трудами, въ которыхъ онъ не участвовалъ: фактъ этотъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что, напр., пчелы-работницы избиваютъ трутней, когда въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Наблюденія, добытыя изъ разныхъ странъ, показываютъ, что стадо воронъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, при громкомъ карканьи, наконецъ, убиваетъ зловреднаго члена стаи. Одинъ очевидецъ увѣряетъ, что у грачей, если одна чета воруетъ хворостины изъ сосѣднихъ гнѣздъ, ея собственное гнѣздо разносится въ прахъ остальными. Здѣсь мы видимъ, что необходимое предварительное условіе согласнаго сожителства безмолвно признается чѣмъ-то вродѣ закона, и что нарушеніе его влечетъ за собою наказаніе.

10. У существъ, ведущихъ одиночную жизнь, законъ, гласящій, что особь должна испытать всѣ послѣдствія, дурныя и хорошія, своей собственной природы и вытекающаго изъ нея поведенія (этотъ первичный законъ до-человѣческой справедливости, изъ котораго вытекаетъ выживаніе приспособленнѣйшихъ), усложняется развѣ только родительскою отвѣтственностью. У нихъ часто эгоистичныя дѣйствія въ пользу самосохраненія ограничиваются, во время размноженія, тѣмъ самоподчиненіемъ, которое необходимо для вывода потомства, но болѣе никакимъ другимъ. У стадныхъ животныхъ сколько-нибудь смышленныхъ сдерживаемыхъ, какъ мы видѣли, въ должныхъ предѣлахъ присутствіемъ другихъ особей,—у этихъ животныхъ благо вида, требуя также самоподчиненія для вывода потомства, иногда требуетъ и дальнѣйшаго самопожертвованія. Говорятъ, что у бизоновъ, во время отеленія, быки образуютъ стражу, охраняющую стадо коровъ и телятъ отъ волковъ и другихъ хищниковъ, что подвергаетъ каждого быка извѣстной опасности, но ведетъ къ сохраненію вида. Когда стадо слоновъ выходитъ изъ лѣсу на водопой, сначала показывается одинъ и осматривается, нѣтъ-ли опасности; если не увидитъ ничего, то ставитъ другихъ членовъ, какъ стражей, и только тогда все стадо выходитъ и лѣзетъ въ воду. Здѣсь извѣстный лишній рискъ испытывается немногими, чтобы многіе были въ большей безопасности. Еще въ большей степени мы видимъ дѣйствія этого рода въ стадѣ обезьянъ; члены его соединяются въ защитѣ или выручаютъ товарища, или ловко устраиваются, отступая отъ врага. Самки съ дѣтенышами идутъ впередъ, а самцы прикрываютъ отступление. Хотя въ частномъ случаѣ видъ можетъ потерпѣть отъ этого, и слѣдствіемъ можетъ быть гибель большого числа особей,